

НЕКРАСОВ И ДОСТОЕВСКИЙ В 60-е ГОДЫ

(эпизод из творческих взаимосвязей)

1. Вопрос о прототипе Крота в поэме «Несчастные» (Белинский или Достоевский) до сих пор является дискуссионным. Упорное стремление некоторых исследователей исключить Достоевского из списка возможных прототипов едва ли оправдано, а доказательства, к которым эти исследователи прибегают, не вполне убедительны.

а. К. И. Чуковский утверждал, что Достоевский не мог быть прототипом Крота потому, что «повесть Некрасова «Каменное сердце», где Достоевский изображен такими резко отрицательными чертами, писалась не в шестидесятых годах, как полагали исследователи, а в 1855 г., то есть за несколько месяцев до того, как была задумана поэма «Несчастные» (см. II, 632). Однако К. И. Чуковский вступал здесь в противоречие с более верной точкой зрения, высказанной им по поводу содержания «Каменного сердца» еще в 1918 году. Ученый считал тогда, что Некрасов в «Каменном сердце» обличал «недобрые нравы» литературной среды конца 1840-х годов, а Достоевский, «самовлюбленный подросток, пугливо обидчивый»¹, рисовался в повести как существо страдательное, с некоторым сочувствием.

А. Н. Лурье (см. VI, 577) связывает истоки обращения Некрасова в 50-х годах к личности Достоевского со статьей И. И. Панаева «Заметки Нового поэта о петербургской жизни», в которой Ф. М. Достоевский был высмеян как «кумирчик», который «стал совсем заговариваться и вскоре был низвергнут нами с пьедестала и совсем забыт»². Исследователю кажется, что Некрасов был вполне солидарен с Панаевым и замысел «Каменного сердца» рождался в унисон с «Заметками Нового поэта». Здесь очевидное заблуждение. Некрасов, напротив, отталкивался от легковесной панаевской самовлюбленности, пытаясь дать в своей повести полемический ответ, где в карикатурном виде предстали либеральные члены кружка, травившие Достоевского (Панаев в их числе):

б. Предположение П. Ф. Якубовича³ о том, что прототипом Крота в «Несчастных» является В. Г. Белинский, сталкивается с не менее убедительным свидетельством О. Ф. Миллера⁴ в пользу Ф. М. Достоевского, с которым он был лично знаком.

в. Стихи о В. Г. Белинском из черновых вариантов поэмы «Белинский», вошедшие затем в поэму «Несчастные» и переадресованные Кроту, говорят лишь о том, что «образ Крота нельзя связывать с одним определенным лицом».

2. Замысел поэмы «Несчастные» возник у Н. А. Некрасова не в 1856 г., а в 1855 году, когда Ф. М. Достоевский напомнил

о своем существовании после долгих лет вынужденного молчания на каторге. Толчком к возникновению замысла могло послужить прямое или косвенное знакомство с письмом Ф. М. Достоевского к брату Михаилу от 22 февраля 1854 года из Омска. В этом письме Достоевский сообщает, в частности, печальные подробности отъезда его по этапу из Петербурга «ровно в Рождество 1849 года». В отрывке из поэмы «Несчастные», известном под названием «Петербургское утро» и написанном в 1855 году, уже появляется образ ссыльного интеллигента, увозимого из Петербурга на каторгу ранним утром, когда город подобен «опустелой зале, где пировали вы вчера...»

В письме Ф. М. Достоевский подробно рассказывает и о «злой радости», с которой арестанты из народа встретили политических ссыльных. «150 врагов не могли устать в преследовании, *это было им любо*, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли понимать и уважали, и неподклонимостью их воле»⁵. В поэме «Несчастные» воспроизводится аналогичная ситуация:

*И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо...*
(II, 28).

Затем Некрасов изображает, как нравственное превосходство Крота, «неподклонимость» злым инстинктам арестантского коллектива снискали, наконец, всеобщее уважение к нему ссыльных из народа.

Почти дословно совпадает характеристика Достоевским русского народа с известной речью Крота. «Впрочем, люди — везде люди. И в каторге между разбойниками я в четыре года отличил, наконец, людей. Поверишь ли, есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было *под грубой корою отыскать золото*»⁶. Сравните у Некрасова о народной России:

*Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корою Сибири льдистой
Золотоносных много жил.*
(II, 29—30).

3. Как мог Н. А. Некрасов познакомиться с этим письмом? Не исключено, что он прочел его из рук самого Михаила Михайловича. Ведь Ф. М. Достоевский убедительно просил брата: «...Наведайся у людей знающих, можно ли мне будет печатать, и как об этом просить»⁷. Некрасов в делах печати, разумеется,

был одним из самых опытных людей, и М. М. Достоевский не мог с этим не считаться⁸. А знакомство с Некрасовым у него состоялось, по-видимому, еще в конце 1840 годов, в эпоху увлечения идеями петрашевцев.

Но если прямые контакты здесь все же не возникли, Некрасов мог получить подробные сведения о Ф. М. Достоевском от Аполлона Николаевича Майкова, близкого друга семьи М. М. Достоевского и самого Федора Михайловича. Известно, что в 1854—56 гг. Майков был одним из постоянных сотрудников некрасовского «Современника» и дружески общался с поэтом. Между А. Н. Майковым и Ф. М. Достоевским в 1855—56 годах наладилась переписка.

4. Некрасов несомненно думал о Достоевском в 1856 году, в Риме, когда работал над второй частью поэмы «Несчастные». Это подтверждают воспоминания П. М. Ковалевского «Встречи на жизненном пути», в которых мемуарист сообщает, что во время беседы с поэтом в Риме он услышал из его уст следующие горькие мысли о Достоевском: «Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше»⁹. О том, что эти предположения Некрасова не колебали общего, благожелательного отношения его к Ф. М. Достоевскому, свидетельствует письмо поэта к Михаилу Михайловичу от 26 августа 1859 года: «Я всегда уважал и никогда не переставал любить Вашего брата — печатать его произведения в моем журнале мне будет особенно приятно» (X, 405).

Наконец, мы не можем не считаться с известным признанием самого Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя»: «Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он (Н. А. Некрасов — Ю. Л.) указал мне на одно стихотворение, «Несчастные», и внушительно сказал: «Я тут об вас думал, когда писал это» (т. е. об моей жизни в Сибири), «Это об вас написано»¹⁰.

5. Известно, что русское правительство впервые осуществило на петрашевцах один из изощреннейших экспериментов, «уравняв каторжанина-петрашевца с уголовным арестантом»¹¹. По словам Некрасова, дело Петрашевского «поразило как гром» русскую интеллигенцию. Помещая Крота на одних нарах с уголовными преступниками, Некрасов открыто указал на «родословную» своего героя.

6. Не исключено и обратное влияние поэмы Некрасова на оформление замысла «Записок из Мертвого дома». В процессе чтения стихов поэта в ночь на 29 декабря 1877 года Достоевский «узнал и припомнил и те из стихов его, которые первыми прочел в Сибири, когда, выйдя из ...четырёхлетнего заключения в остроге, добился наконец, до права взять в руки книгу. Припомнил и впечатление тогдашнее»¹². В числе этих стихов могла быть и некрасовская поэма, впервые опубликованная во втором номере «Современника» за 1858 год под заглавием «Эпилог не-

написанной поэмы» за подписью «Н. Некрасов». Нужно ли доказывать, что эта поэма могла вызвать у Достоевского особый интерес!

7. Художественная структура «Записок из Мертвого дома» явно переключается с поэмой «Несчастные». Аналогичны типы рассказчиков: и у Некрасова и у Достоевского облик рассказчика неустойчив и раздвоен, единство в его психологии не выдержано (то ли уголовник, то ли политический преступник). Такая художественная условность помогает Достоевскому вслед за Некрасовым включить в единый поток повествования предельно широкий масштаб художественно освоенной действительности (от быта на уголовном уровне до политических и философских обобщений).

8. В то же время возможен и элемент полемики Достоевского с просветильски-упрощенным решением у Некрасова конфликта между политическим ссыльным из дворян и уголовными преступниками из народа. Не потому ли в сравнении с письмом Достоевский еще более обостряет в «Записках из Мертвого дома» этот конфликт, исключая всякую возможность абсолютного контакта и взаимопонимания. А потом, в «Записках из подполья», он продолжит полемику с Некрасовым в более прямых и открытых формах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Памятники русской культуры под редакцией К. И. Чуковского. Незаданные произведения Н. А. Некрасова с объяснительными статьями и примечаниями К. И. Чуковского. СПб., 1918, с. 5—22, 43—45.

² «Современник», 1855, № 12.

³ Мельшин Л. (Гриневич П. Ф.). Очерки русской поэзии. СПб., 1904, с. 129—132.

⁴ Миллер О. Русские писатели после Гоголя.— В кн.: Критический комментарий к соч. Ф. М. Достоевского. Сб. критич. статей. Сост. В. Зелинский. Ч. II, М., 1907, с. 146—147.

⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. Сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). М., 1912, с. 203. Здесь и далее курсив мой.— Ю. Л.

⁶ Там же, с. 208.

⁷ Там же, с. 207.

⁸ В. С. Нечаева в книге «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863» (М., 1972, с. 27) пишет: «Нам ничего не известно об участии М. М. Достоевского в литературно-общественной жизни в течение 1852—1860 гг., когда трезво-промышленная деятельность захватила его силы и время. Но можно уверенно сказать, что связи с ней он не порвал: это подтверждает его проект издания журнала в 1858 году».

⁹ Ковалевский П. Встречи на жизненном пути. Н. А. Некрасов.— В кн.: Григорович Д. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 422.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. XI, ч. I. Дневник писателя за 1877 г. СПб., 1895, с. 419.

¹¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. II, М., 1946, с. 215.

¹² Достоевский Ф. М. Указ. соч., с. 418.